

ЗАКОН ПЕРИФЕРИЙНОГО ПРОГРЕССА: ГИПОТЕЗА

НЕЛИНЕЙНАЯ ИСТОРИЯ

Как было бы просто (но и скучно) жить людям, если бы абстрактно-теоретические картины, предложенные в свое время теорией общественно-экономических формаций, последовательно сменяли друг друга на экране человеческой истории. Но и в формационной концепции абстрактная теория не отождествлялась с историческим бытием. Абстрактная теория очищает историю, выявляет скрытые пружины всемирно-исторического развития. Теоретические гипотезы экономистов в большинстве случаев отрицают фатализм смены общественно-экономических систем, присущих им способов производства и, тем более, смены мировых и локальных цивилизаций. Сам К. Маркс, основатель формационной теории, прекрасно понимал это. Он утверждал, что «один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т.д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»¹. Самая вульгарная интерпретация прогресса — это линейное изображение движения от одной социально-экономической системы к другой. Реальная история полна зигзагов и попятных движений. Историческая трасса скорее непрерывно-прерывистая, чем гладкая и «сплошная».

История человечества никогда не развивалась синхронно, монотонно, равновесно и равномерно. Асинхронность, неравномерность и неравновесность развития, судя по всему, — всемирно-историческая закономерность. Более того, подобно тому, как в замкнутых термодинамических системах полное равновесие означает «тепловую смерть», прекращение всяко-

го развития, так и в жизни человеческих обществ, а в экономической жизни в особенности, всеобщего равновесия, социально-экономической гармонии, о которой мечтали ученые со времен Ф. Бастиа и Г.-Ч. Кэри², не только никогда не существовало, но и не будет даже тогда, когда во всем мире восторжествует какая-нибудь «абсолютно справедливая» система общественных отношений. Человечество начало свой путь в неравновесной системе «природа—человек». Начиная с неолитической революции, человечество было ввергнуто в социально-неравновесные системы. И уже сейчас, на наших глазах, новый большой виток спирали истории возвращает человечество к первоначальной дихотомии, но уже в другой интерпретации неравновесия: «человек—природа».

Ни один народ мира, ни одна отдельно взятая страна не прошли всех «марксистских формационных этапов»³. Для некоторых регионов все доиндустриальные отношения, вплоть до первобытнообщинных, простираются в качестве рудиментарных вкраплений до XXI века. Развиваясь крайне неравномерно, некоторые страны сильно отставали в своем развитии⁴. Но, раз отстав, они уже шли своим, «деформированным» с точки зрения стран-локомотивов, путем.

ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

История человечества развивается не только во времени, но и в пространстве. В доиндустриальных обществах это пространство всегда носило локально-очаговую структуру. Даже всеобщий характер первобытных обществ не должен отождествляться с его всемирностью. Пространственная распространенность различных способов производства все более расширялась, между очагами цивилизаций развивались контакты, но до индустриального этапа цивилизационного развития очаговость не была преодолена. Каждый очаг цивилизации имел свои внутренние факторы спонтанного развития. Ф. Бродель писал: «Человечество стало проявлять тенденцию к превращению в единую общность (и оно еще не достигло этого) лишь с конца XV в. До того времени и во все большей и большей степени, по мере того как мы продвигаемся в глубь веков, оно разделялось как бы между разными планетами, каждая из которых давала приют особой цивилизации

или особой культуре со своим своеобразием и своим длительным во времени выбором. Даже будучи близки одни к другим, решения проблем не могли слиться воедино»⁵.

Первые цивилизационные очаги занимали определенные, достаточно строго географически ограниченные ареалы. П. Тейяр де Шарден писал, что «более или менее выделяются в прошлом пять таких очагов: Центральная Америка с цивилизацией майя, Южные моря с полинезийской цивилизацией, бассейн Желтой реки с китайской цивилизацией, долины Ганга и Инда с цивилизациями Индии, наконец, Нил и Месопотамия с Египтом и Шумером. Эти очаги появились (за исключением двух первых, гораздо более поздних), по-видимому, почти в одну и ту же эпоху. Но они в значительной степени развиваются независимо друг от друга, и каждый из них слепо стремится распространить и расширить свое влияние, как будто он один должен поглотить и преобразовать Землю»⁶.

Возникновение этих очагов детерминировано природно-климатическими и географическими факторами, вызывавшими к жизни особую форму «восточных» производственных отношений. Удивляет то обстоятельство, что, развиваясь преимущественно изолированно друг от друга, эти цивилизации имеют много принципиально общего в структуре социально-экономических отношений. В этом — одно из самых красноречивых доказательств существования объективных закономерностей развития человечества.

Само же это развитие обнаруживает один из самых загадочных феноменов цивилизационного и формационного («внутрицивилизационного») движения: *все межсистемные переходы начинались на географических окраинах социально-экономических общностей*. Этот феномен гипотетически и определяется как *всемирно-исторический закон периферийного прогресса*.

В самом деле, уже своеобразный переход от «азиатских» цивилизаций к классическому рабству произошел на окраинах древневосточных систем — в Греции и Малой Азии. Переход к первичным формам отношений феодального типа, в свою очередь, произошел на окраинах античного мира — на территории Галлии, окраинной провинции Римской империи. На окраинах феодальной Европы, там, где закрепощение крестьян не было завершено, то есть феодальные отношения остались в неразви-

том состоянии — в Италии, Испании, Фландрии, Голландии — начались процессы, переходные к капиталистическим отношениям. Англия в эпоху феодализма тоже занимала окраинное положение, феодальные производственные отношения здесь развились слабо, они занимали, так сказать, вторичный слой отношений. И именно Англия стала классической страной капитализма, локомотивом движения к индустриальной цивилизации. Любопытно, что первые попытки преодолеть систему капиталистических производственных отношений были осуществлены на окраинах буржуазного мира, в России, в стране, где компенсационные возможности буржуазии оказались наиболее слабыми при достаточно случайном соединении объективных и субъективных факторов революционного взрыва⁷.

Попробуем объяснить феномен периферийного прогресса. Здесь нам придется воспользоваться одним забытым марксистским тезисом: новые общества возникают там и тогда, где и когда в рамках старой общественной системы перестают развиваться производительные силы, возникает некий «коллапс производительности».

Производительные силы⁸ сами по себе не развиваются, их развивают люди ради удовлетворения своих потребностей. Производительные силы — категория общественная. Эволюционное и революционное развитие техники, технологии и самой рабочей силы — дело рук и разума человека. Не существует очень популярного в последнее время «вызова истории», существуют гораздо более прозаичные, но более действенные потребности самого человека, которые не могут не развиваться при любой общественной форме. Именно потому, что старая общественная форма перестает создавать стимулы для творческой производительной деятельности людей, она разрушается.

Общественный базис имеет свойство стареть, истощаться. Поскольку доиндустриальные общества представляли собой относительно замкнутые локальные общности, здесь возникали процессы нарастания энтропии, неупорядоченности, приводящие всякую замкнутую систему к хаосу и саморазрушению⁹. «Мировые» империи древнего мира и средневековья никогда не были хозяйственно-целостными организмами и объединялись преимущественно политическими средствами. Бесконечные войны и социальные конфликты истощали общества, разрушали способность и желание непосредствен-

ных производителей осуществлять свое производственное предназначение. И господствующие общественные страты, сословия, классы теряли возможность репрессивного или компромиссного разрешения производственных проблем, хирели, вырождались. Прекращалось экономическое развитие, рос паразитизм¹⁰. Возникали тупиковые ситуации, выход из которых мог быть один — новые энергетические вспрыскивания, внешний подогрев, способный создать импульсы для организации нового порядка.

Этот подогрев приходил из внешней среды, с окраин локальных систем, где формировались сначала «слабые звенья», а потом — центры новых цивилизаций, постепенно захватывающих в орбиту своего влияния бывшие доминирующие центры.

«Слабые звенья» возникали на окраинах в силу нескольких причин. Окраина — это средоточие рудиментарных пережитков, это наиболее «грязные» области общественных отношений. В рабовладельческих и феодальных обществах здесь имелись более благоприятные условия для сохранения общинных и племенных пережитков. И потому, что эти области были далеки от центров развитой общественной системы, были провинциями в самом буквальном смысле слова, и потому, что окраины теснее соприкасались с «варварскими» системами, которые, находясь на более низкой ступени цивилизационного развития, показывали, тем не менее, возможность существования иных, относительно свободных форм общения людей. Окраина всегда сохранялась как неорганическая смесь различных укладов, и именно здесь возникали ферменты новых общественных связей, ибо окраина была в большей мере свободна от кризиса, разворачивающегося в центре. «Развитие — оборотная сторона отставания», — диалектично замечает Ф. Бродель¹¹.

В Европе мануфактуры развивались вовсе не там, где господствовали средневековые цехи, потерявшие способность к саморазвитию. В свою очередь фабрика развивалась не из мануфактур и вовсе не там, где господствовали мануфактуры. Именно на перифериях (и в географических, и в социальных смыслах) действующих, но истощившихся систем и появляются новые производительные силы и соответствующие им производственные отношения¹².

Не будем сбрасывать со счетов и чрезвычайное упорство и инерционность политической и идеологической надстройки

старого общества, которая способствует консервации экономической системы, даже если она не удовлетворяет господствующую элиту. В стабильных экономических системах отношения между людьми становятся стереотипами. Они закрепляются не только в результате действия привилегированных слоев, но и вследствие стандартизации самих норм поведения и соответствующих установок социальной психики. Эта петрификация, окаменелость надстроечных отношений является непосредственной причиной того, что ликвидация противоречий старого общества происходит чаще всего в форме насильственного переворота, независимо от того, произведен ли он внутренними силами или привнесен извне¹³.

Индустриальная цивилизация подрывает локальность социально-экономических образований. Мировое хозяйство, объединяемое мировыми товарными связями и интернационализацией капитала, проявляет тенденцию к относительной гомогенности, но гомогенность вызывает к жизни противоположную тенденцию — скачкообразную неравномерность. Деление индустриального мира на центр и окраину не исчезает, оно приобретает модифицированные формы: сначала метрополии и колонии, потом — развитых и неразвитых стран. При этом возникают новые промежуточные образования переходного типа. Одним из таких уникальных образований была царская Россия. Испытывая значительное экономическое давление европейского капитала, она сама стала страной, экспортировавшей капитал. Обладая огромной колониальной периферией, Россия сама была периферией мирового капитализма.

МИССИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОКРАИН

Закон периферийного прогресса, помимо географического, имеет ярко выраженное социально-стратификационное содержание. Нелегкая задача — определение движущих сил социально-экономических преобразований, особенно в доиндустриальных эпохах. При исследовании этой проблемы возникает новая версия гипотезы — о *социальных перифериях* развития. При переходе к новому обществу конструктивными носителями прогресса становились те социальные силы, которые были продуктами кризисного разложения старой системы производственных отношений или вовсе экзогенными

по отношению к ней. Ни рабы, ни рабовладельцы не становились (за редким исключением) носителями феодальных отношений. Когда объективные обстоятельства потребовали перехода к феодальной системе отношений, то в большинстве случаев этот переход произошел благодаря завоеваниям «варваров», преобразовавших рабовладельческую цивилизацию на новый лад. Однако это обстоятельство не исключает существования в недрах старого общества некоторых переходных отношений типа колоната в Римской империи. В свою очередь буржуазные преобразования и, тем более, буржуазные революции совершались не теми социальными силами, которые были основными субъектами производственных отношений феодализма, а теми, которые возникали на базе разложения феодального способа производства. Носителями новых отношений были не феодально-зависимые крестьяне и, тем более, не феодалы-землевладельцы, а зародившиеся в недрах феодализма буржуазия и городской плебс, предпролетариат или — в немногих случаях — собственно пролетариат. В то же время крестьянские восстания и войны готовили почву для нового общественного строя. Происходило своеобразное «разделение труда» в рамках единого процесса: силы, находящиеся в «центре» общественного строя, разрушали его, а силы из «социальной периферии» конструировали новый строй.

Сегодня, в начале XXI века, прогнозируя трассу общественного социально-экономического движения человечества, видимо необходимо будет учитывать эту своеобразную особенность формирования сил прогресса. Исторически реализовав прогрессивную миссию в индустриальном мире, промышленная буржуазия и пролетариат вряд ли решат новую созидательную задачу. В постиндустриальной системе статус главной производительной силы переместится к носителям научно-технического прогресса и информации. Серьезные симптомы этого явления сегодня наблюдаются во всем мире.

НАУЧНЫЙ СОБЛАЗН

Другой вопрос, где та «географическая окраина» индустриального мира, на территории которой и должны осуществиться постиндустриальные предсказания. Прогнозы и гипотезы такого рода очень уж смахивают на шарлатанские пророче-

ства. Но соблазн велик, невольно хочется сказать: не на Востоке ли брезжит свет новой эры? И не там ли, на Востоке, начнется новый виток прогресса человечества?

Примечания

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 354.

² Характерны названия работ этих авторов: «Экономические гармонии» (Ф. Бастиа, 1850) и «Гармония интересов» (Г.-Ч. Кэри, 1872).

³ В этом заключается одна из причин отказа от формационной концепции развития и перехода к новой — цивилизационной — парадигме.

⁴ Правда, народы этих стран не всегда догадывались о собственной отсталости и часто очень неплохо себя чувствовали.

⁵ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. I. М., 1986. С. 28.

⁶ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987. С. 168–169.

⁷ Удачной или неудачной была эта попытка — совсем другой вопрос.

⁸ Если читателю не нравится этот «марксистско окрашенный» термин, его легко заменить термином «факторы производства». При наличии некоторой нюансировки фактически это синонимы.

⁹ Аналогия со вторым законом термодинамики здесь вполне уместна при всей условности такого рода аналогий.

¹⁰ Вспомним Римскую империю.

¹¹ Бродель Ф. Указ соч. С. 28.

¹² Характерно, что и политические консолидации часто начинаются на окраинах предыдущих политических образований. Напомню, по крайней мере, что Московское княжество, ставшее центром будущего Российского государства, — это северо-восточная окраина Киевской Руси и вовсе малоинтересные «задворки» золотоордынской империи.

¹³ См.: Бурачас А.И. Современные методологические проблемы социально-экономических исследований. Вильнюс, 1973. С. 135–136.